

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

ДЖОРДЖ ОРУЭЛЛ

ДНИ В БИРМЕ

Москва
2022

*В глубине лесов,
Под сению деревьев меланхоличных¹*

Уильям Шекспир.
Как вам это понравится

¹ Пер. с англ. П. И. Вейнберга. (*Здесь и далее прим. пер.*)

1

Ю По Къин, окружной судья Чаутады, в Верхней Бирме¹, сидел у себя на веранде. Было только полдевятого, но воздух, по-апрельски душный, уже грозил долгим дневным зноем. Редкие вздохи ветерка, относительно прохладного, покачивали недавно политые орхидеи, свисавшие с карниза. Сквозь орхидеи виднелся пыльный изогнутый ствол пальмы, а за ним — сияющее ультрамариновое небо. В самом зените, так высоко, что больно было смотреть, кружили, раскинув крылья, стервятники.

Ю По Къин не мигая, точно керамический истукан, янтарно-карими глазами смотрел на палящее солнце. Непокрытая голова его была бритой, крупное лицо — желтым и почти гладким. Он разменял шестой десяток и до того растолстел, что уже несколько лет не вставал с кресла без посторонней помощи, однако был статен и даже красив в своей тучности; бирманцы не оплывают с годами, как белые,

¹ В 1920-е годы — время действия романа — Верхняя Бирма представляла собой глухую провинцию Британской Индии.

но равномерно наливаются, словно спелые фрукты. Одежда Ю По Кьина представляла собой типичную у бирманцев араканскую лонджи¹ в зелено-фиолетовую клетку, из-под которой выглядывали его босые пухлые ступни с высоким подъемом и одинаковыми пальцами. Он жевал бетель из лакированной шка-тулки на столе и думал о прожитой жизни.

Жизнь его сложилась блестяще. В самом раннем своем воспоминании, из восьмидесятых годов, Ю По Кьин, тогда еще голый карапуз, стоял и смотрел, как победным маршем входят в Мандалай британские солдаты. Он помнил, какой ужас испытывал, глядя на эти колонны здоровенных красномундирных и красномордых пожирателей коров с длинными винтовками за плечами, утрамбовывавших землю сапогами. Недолго поглазев на них, он дал стрелкача. Своим детским умом он понял, что его соплеменники не чета этому племени великанов. И тогда же зародилось в нем честолюбивое стремление примкнуть к британцам, присосаться к ним пиявкой и сражаться на их стороне.

В семнадцать лет он попытался устроиться на госслужбу, но потерпел неудачу, поскольку был беден и не имел друзей, и следующие три года проработал в вонючих закоулках мандалайских базаров, ведя счета торговцев рисом и подворовывая. Но в двадцать лет ему улыбнулась удача — он шантажом добыл четыреста рупий, смог переехать в Рангун и купить

¹ Домашняя одежда бирманцев в виде юбки, которую мужчины запахивают спереди, а женщины — слева.

себе место клерка на госслужбе. Должность была перспективная, хотя платили мало. В то время чиновничьи круги получали надежный доход, расхищая правительственные склады, и По Къин (тогда он был просто По Къином — почтительное Ю добавится к его имени позже) естественным путем примкнул к ним. Впрочем, он был слишком честолюбив, чтобы всю жизнь провести в клерках, промышляя такой мелочовкой. Однажды ему стало известно, что правительство, испытывая нехватку в рядовых чиновниках, намеревается набрать их из клерков. Об этом должны были объявить только через неделю, но По Къин умел выведать нужные сведения загодя. Он не упустил свой шанс и сдал всех подельников, пока они не подняли тревогу. Большинство из них попали в тюрьму, а По Къина, в награду за честность, назначили помощником квартального инспектора. С тех пор карьера его неуклонно шла в гору. Теперь, в свои пятьдесят шесть, он был судьей округа и рассчитывал на дальнейшее повышение, пожалуй, вплоть до заместителя комиссара, что сделает его равным с англичанами и даже повыше некоторых.

Его судейский метод был прост. Ни за какие коврижки не соглашался он вынести незаконное решение, понимая, что продажный судья рано или поздно попадетсЯ. Он предпочитал брать взятки с обеих сторон, что было гораздо надежней, и решать дело исключительно на законных основаниях. Этим он заслужил репутацию беспристрастного судьи. Помимо взяток с клиентов, Ю По Къин собирал регулярную дань, своего рода частный налог, со всех под-

ведомственных деревень. Если та или иная деревня артачилась, Ю По Кьин прибегал к карательным мерам — то к ним вторгалась шайка бандитов, то старейшины оказывались не в ладах с законом, то еще что-нибудь, — и вскоре недостача возмещалась. Кроме того, он имел долю со всех крупных грабежей в его районе. Все это по большей части было, разумеется, известно едва ли не каждому, кроме официального начальства Ю По Кьина (британское начальство никогда бы не поверило, что его подчиненный нечист на руку), но попытки разоблачить его неизменно проваливались — его подкупленных сторонников было не счесть. Всякий раз, как его обвиняли, Ю По Кьин просто-напросто дискредитировал обвинителей через подставных свидетелей, после чего выдвигал встречные обвинения, тем самым укрепляя свое положение. Он был практически неуязвим, не только благодаря тонкому чутью в судебных делах, оберегавшему его от ошибок, но и в силу особой склонности к интригам, не дававшей ему пасть жертвой небрежности или невежества. Можно было сказать с полной определенностью, что его никогда не выведут на чистую воду, и успех будет сопутствовать ему до самой смерти, с пышными похоронами и наследством в сотни тысяч рупий.

И даже на том свете его ждало процветание. Согласно буддийской вере, творившие при жизни зло после смерти перевоплощаются в крысу, жабу или еще какое пресмыкающееся. Ю По Кьин, как добропорядочный буддист, намеревался избежать этой на-

пасти. Преклонные годы он посвятит делам праведным, которые в итоге перевесят все прочее. Вероятнее всего, его праведность проявится в строительстве пагод. Четыре, пять, шесть, семь пагод — сколько скажут ламы — с каменной резьбой, золочеными куполами и колокольчиками, звенящими на ветру, воздавая хвалу небесам. И он вернется на землю в человечесьем обличье — причем мужчиной, ибо женщина недалеко ушла от крыс и жаб — или, еще лучше, величественным зверем вроде слона.

Все эти мысли пронеслись в уме Ю По Кьина чередой картинок. При всей его хитрости, мозг у него был варварским и работал только в практическом направлении; чистое созерцание было ему недоступно. Вот и теперь его мыслительная деятельность достигла своего предела. Положив упитанные культяпки на подлокотники, он чуть повернулся и позвал визгливым голосом:

— Ба Тайк! Эй, Ба Тайк!

Из-за бисерной шторы, отделявшей веранду, показался слуга Ю По Кьина, Ба Тайк, рябой человек весьма жалкого вида. Он был осужден за воровство, и Ю По Кьин ничего ему не платил, поскольку одним своим словом мог упечь бедолагу в тюрьму. Ба Тайк, несмело приближаясь, так низко кланялся, что казалось, он пятится.

— Наисвятейший? — сказал он.

— Есть кто-нибудь ко мне, Ба Тайк?

Ба Тайк стал называть посетителей, разгибая пальцы:

— Там, ваша честь, староста Титпингьи принес подарки и двое деревенских с побоями, которых ваша честь будет судить, тоже принесли подарки. Ко¹ Ба Сейн, старший клерк из комиссариата, желает вас видеть, потом констебль Али Шах и бандит один, не знаю, как звать. Наверно, не поделили золотые браслеты, те, что украли. А еще деревенская девчонка с младенцем.

— А ей чего? — сказал Ю По Кьин.

— Говорит, младенец ваш, наисвятейший.

— А-а. Сколько староста принес?

Насколько был в курсе Ба Тайк, всего десять рупий и корзину манго.

— Скажи старосте, — велел Ю По Кьин, — чтобы завтра же принес двадцать рупий, а не то ему и всей его деревне несдобровать. Других сейчас приму. Проси Ко Ба Сейна.

Ба Сейн не заставил себя ждать. Стройный и узкоплечий, он был на редкость высоким для бирманца, а необычайно гладкое лицо его отличалось цветом кофе бланманже. Ю По Кьин считал его полезным винтиком. Приземленный и исполнительный, он был превосходным клерком, и мистер Макгрегор, заместитель комиссара, почти ничего не скрывал от него. Ю По Кьин, пребывая в добром расположении духа после ревизии своих успехов, приветствовал Ба Сейна смешком и взмахом руки в сторону ларчика с бетелем.

— Ну, Ко Ба Сейн, как продвигается наше дело? Надеюсь, как сказал бы уважаемый мистер Макгре-

¹ Приставка «Ко» означает уважение.

гор, — тут Ю По Кьин перешел на английский, — *опуэделенный пвогуэсс налицо?*

Ба Сейн не улыбнулся этой остроте. Присев в кресло, прямой, как жердь, он ответил:

— Отлично, сэр. Наш экземпляр прибыл этим утром. Извольте взглянуть.

Он вынул двуязычную газету под названием «Бирманский патриот». Это было восьмиполосное издание, отпечатанное на скверной бумаге и сляпанное из новостей, надерганных в основном из столичной «Рангунской газеты» и сдобренных пафосной националистской риторикой. На последней полосе печать смазалась, так что разобрать ничего было нельзя, словно газета отмечала траур по самой себе. Статья, интересовавшая Ю По Кьина, отличалась особым шрифтом. Она гласила:

В эти счастливые времена, когда нас, бедную черноту, ведет за собой могучая западная цивилизация с ее многообразными благами, такими как синематограф, пулеметы, сифилис и т. д., какой предмет может внушать большее воодушевление, нежели частная жизнь наших европейских благодетелей? Посему мы считаем, что нашим читателям будет интересно услышать кое-что о событиях в захолустной Чаутаде. А именно о мистере Макгрегоре, досточтимом заместителе комиссара названной области.

Мистер Макгрегор являет собой типичный пример Истинно Ингалеякского Джентльмена, коих в эти счастливые дни мы можем наблюдать во множестве. Он «человек семейный», как говорят доро-

гие наши собратья-англичане. Очень даже человек семейный мистер Макгрегор. До того семейный, что за год жизни в Чаутаде нажил троих детей, а на прошлом месте службы, в Шуэзмь, произвел шестерых отпрысков. Надо думать, лишь по недосмотру мистера Макгрегора они остались без средств к существованию, а их матерям грозит голодная смерть и т. д. и т. п.

Подобный материал занимал целый столбец и при всей своей гнусности был самым приличным в газете. Ю По Къин внимательно прочитал статью, держа газету на вытянутой руке — он страдал дальноркостью — и щерясь от усердия, обнажая ровные мелкие зубы, кроваво-красные от бетеля.

— Издатель сядет за это в тюрьму на полгода, — сказал он наконец.

— Он не против. Говорит, только в тюрьме и можно спастись от кредиторов.

— Стало быть, ваш юный стажер, клерк Хла Пе, сам написал эту статью? Очень умный мальчик — весьма многообещающий! Никогда больше не говорите, что от правительственных школ нет толка. Хла Пе определенно сделает карьеру.

— Так вы считаете, сэр, этой статьи будет достаточно?

Ю По Къин ответил не сразу. Для начала он натужно запыхтел, пытаясь встать с кресла. Ба Тайк был тут как тут. Он возник из-за бисерной шторы, и вдвоем с Ба Сейном они подхватили Ю По Къина под мышки и подняли на ноги. Ю По Къин постоял,

распределяя вес пуза, словно грузчик, который принаравливается к корзине рыбы. И отослал Ба Тайка взмахом руки.

— Недостаточно, — сказал он, отвечая на вопрос Ба Сейна, — никак недостаточно. Предстоит еще потрудиться. Но начало хорошее. Слушайте.

Он подошел к перилам и выплюнул алый комок бетеля, а затем стал мерить веранду шажками, заложив руки за спину. Двигался он чуть вразвалку, переваливая необъятные бедра, и говорил на жаргоне госслужащих — причудливой смеси бирманских глаголов и английских оборотов:

— Давайте заново пройдемся по нашему делу. Мы намерены нанести совместный удар по доктору Верасвами, уполномоченному хирургу и тюремному суперинтенданту. Намерены очернить его, уничтожить его репутацию и в итоге разделаться с ним раз и навсегда. Это будет весьма тонкая операция.

— Да, сэ.

— Риска не будет, но действовать надо медленно. Мы замахнулись не на жалкого клерка или констебля. Мы замахнулись на высокого чиновника, а высокий чиновник, пусть даже он индеец, это вам не клерк. С клерком как? Легко: обвинение, пара дюжин свидетелей, увольнение и тюрьма. Но здесь так не годится. Тихо-тихо, тихой сапой. Без скандала и главное без официального вмешательства. Не должно быть никаких обвинений, на которые можно ответить, однако в течение трех месяцев я должен устроить так, чтобы каждый европеец в Чаутаде счи-

тал доктора негодяем. Что же ему вменить? Взятка не годится, доктор взяток не берет. Что еще?

— Мы, пожалуй, могли бы устроить бунт в тюрьме, — сказал Ба Сейн. — Отвечать будет доктор, он же суперинтендант.

— Нет, слишком опасно. Надзиратели станут палить из ружей без разбору — не хочу. Опять же, лишние расходы. Что ж, стало быть, остается его обесчестить — национализм, пропаганда мятежа. Мы должны убедить европейцев, что доктор придерживается мятежных, антибританских взглядов. Это будет пострашнее взятки; туземный взяточник для них — дело обычное. Но заставь их усомниться хоть на миг в его верности — и с ним покончено.

— Доказать такое будет трудно, — возразил Ба Сейн. — Доктор очень лоялен к европейцам. Он сердится, если кто скажет против них. Они должны это знать, не думаете?

— Чушь, чушь, — спокойно сказал Ю По Къин. — Европейцам не нужны доказательства. Если у кого черное лицо, подозрение и есть доказательство. Несколько подложных писем — и порядок. Это лишь вопрос упорства: обвинять, обвинять и обвинять — вот как надо с европейцами. Одна анонимка за другой, каждому европейцу. А потом, когда хорошенько подогреем их подозрительность, — Ю По Къин вытащил короткую руку из-за спины и, щелкнув пальцами, добавил: — Начнем с этой статьи в «Бирманском патриоте». Европейцы будут в бешенстве, когда прочтут это. Ну, а вслед за тем нужно будет убедить их, что статью написал доктор.